

«Боже! Дай мне силы изменить в моей жизни то,
что я могу изменить, дай мне мужество принять то,
что изменить не в моей власти,
и дай мне мудрость отличить одно от другого»
(Древняя мудрость)

Трубников В.М., профессор, доктор юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых наук юридического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

СВОБОДА ВОЛИ ИЛИ СУДЬБА?

1. Проблему уголовной ответственности принято рассматривать в уголовном праве на базе философского учения о свободе воли и обусловленности любых человеческих поступков, в том числе преступлений.

С точки зрения философии, основанием уголовной ответственности (юридической ответственности) является свобода воли лица, его способность самостоятельно выбирать способ поведения: ответственность наступает потому, что лицо, хотя и могло выбрать путь, одобряемый обществом и государством, дозволенный законами, всё же выбрало путь преступления, причиняющий вред правам и законным интересам других индивидов и общества в целом. Если нет свободы выбора поведения, не может быть и уголовной ответственности.

Считается, что общество и государство имеет право упрекать и отсюда привлекать к уголовной ответственности граждан на том основании, что каждый человек награждается от природы сознанием и волей, которые позволяют ему понимать действие уголовно-правовых запретов и соотносит свое поведение в соответствии с их требованиями. Но для привлечения лица к уголовной ответственности этого недостаточно. Нужно выяснить: имело ли данное лицо реальную возможность не нарушать требования уголовного закона, и вообще в какой степени человек свободен в выборе своего поведения, он должен воздержаться от совершения преступления или совершение преступления для него фатальное обстоятельство.

Спор о наличии или отсутствии у человека свободы выбирать линию поведения многие века ведется по двум направлениям: детерминизме или индетерминизме.

Философы детерминистской школы предлагали различные основания для применения мер юридической ответственности к лицу, совершившему преступление. Представители французского материализма рассматривали преступление как аналог негативных природных процессов, стихийных бедствий, от которых следует оградить общество путём изоляции от него преступника; вульгарные материалисты искали причины преступного поведения в изначальной предрасположенности к нему конкретного человека, придавая таким образом к теории «прирождённого преступника», а позже «опасного состояния» личности, которое также обуславливает необходимость применения мер «социальной защиты», в том числе превентивных.

В диалектическом материализме, как известно, доминировала теория о том, что свобода воли является «осознанная необходимость», поведение людей является волевым и ответственным постольку, поскольку они осознают общественные закономерности, оказывающие на них влияние и соразмеряют с ними свои поступки.

Диалектический материализм нашел свое проявление в двух разновидностях: механистическом и диалектическом детерминизме. Механистический детерминизм считает, что человек - слепая игрушка внешних обстоятельств, он подобен механизму, который лишь адекватно реагирует на внешние и внутренние раздражители. Поэтому каждый поступок человека, в том числе и преступление, является неминуемым, поскольку он уже определен всеми предыдущими событиями, имевшие место в жизни этого человека. В таком случае человек - раб обстоятельств, он лишен возможности свободного волеизъявления, а следовательно, и свободного выбора своего поведения, которое уже предопределено. Поэтому проявление преступной воли в совершенном преступлении является лишь видимостью свободы, мнимая свобода, а если это так, то и невозможна негативная моральная оценка совершенного. Следовательно, обоснование уголовной ответственности в этом случае не столько в осуждении преступной воли, сколько в объективной вредности преступления для общества.

По мнению Спинозы человек никогда и ни в чем не бывает свободным, и его поступки всегда детерминированы внешними обстоятельствами.

Энгельс, как представитель диалектического материалистического детерминизма, признавая детерминирующую роль внешней среды, одновременно признавал и активную роль человеческого сознания, однако фактически, в конечном счете, отдавал предпочтение первому. Согласно диалектическому детерминизму, человек, очутившись перед выбором - совершить преступление или воздержаться от этого, зависит как от внешних обстоятельств, так и от собственного ума, совести, убеждений, склонностей, потребностей, интересов и т.п. Здесь ни внешние обстоятельства, ни только внутреннее состояние лица не определяют в конечном итоге его поведение. Преступление, совершенное человеком, является причинно связанным как с его сознанием, так и с объективной действительностью. Внешние обстоятельства влияют на поведение лица, но лишь переламяваясь через ее внутренние психические установки, сознание. Именно ум, совесть, убеждение подсказывают человеку, как поступить ему в данной конкретной ситуации. Однако основание для этического и правового осуждения преступления и лица, которое его совершило, есть лишь в том случае, если это лицо имело объективную возможность избрать из имеющихся вариантов поведения (хотя бы из двух) не преступное средство достижения поставленной цели.

Таким образом, наличие относительной свободы выбора поступка (степень свободы) и является обоснованием уголовной ответственности конкретного лица за избранный им преступный вариант поведения. В таком случае уголовная ответственность способна выступать средством воздействия на сознание и волю людей и тем самым детерминировать их поведение в будущем. Следовательно, если человек сознательно избирает преступный вариант поведения,

имея возможность сделать иначе, то это и обосновывает возможность и необходимость со стороны государства применить к нему меру принуждения, наказание.

Известно, что марксистско-ленинская философия, применяя постулат о первичности материи и вторичности сознания, обосновывала один из своих исходных тезисов об отставании сознания от бытия (в том числе и общественного сознания от общественного бытия).

Фактически все приведенные выше рассуждения сводятся к проблеме свободы человека. Свободен ли человек в любой момент принять решение в пользу добра, или он не обладает этой свободой выбора, поскольку детерминирован внешними и внутренними силами? И несмотря на убедительные доводы многих из этих теорий и на множество книг, написанных об этом, дискуссия еще далека от завершения и проблема свободы воли, да еще и в совокупности с проблемой судьбы человека требует своего последующего разрешения.

Я думаю здесь уместно привести высказывание Уильяма Джеймса, который отмечал, что "широко распространено мнение, что дискуссия о свободе воли уже давно обессилела и увяла и тот, кто одержал в ней верх, может привести в споре лишь избитые аргументы, которые всем хорошо известны. Но это глубокое заблуждение. Я не знаю другой темы, которая была бы менее банальна и дала бы увлеченному человеку лучший шанс сделать новые открытия - возможно, не для того, чтобы навязать решение или вынудить прийти ко всеобщему согласию, но с тем чтобы поделиться с нами более глубоким пониманием того, о чем, собственно, идет речь в споре между двумя сторонами и что в действительности содержат идеи о судьбе и свободе воли".

Мне думается, что более правильным методологическим подходом при рассмотрении проблемы свободы воли являются положения экзистенциальной психологии, и прежде всего, высказывания одной из ключевых фигур экзистенциальной психологии Ролло Мэя, разработавшего новую концепцию человека. Экзистенциальная психология в разных интерпретациях придерживается точки зрения, согласно которой люди несут значительную долю ответственности за то, какие они есть.

Человек, с точки зрения Мэя, живет настоящим, для него актуально в первую очередь то, что происходит *здесь и сейчас*. В этой единственной подлинной реальности человек формирует себя сам и ответствен за то, кем он в конечном счете становится. Определяя понятие свободы, Мэй говорил, что «свобода личности - в ее способности знать о своей предопределенности». Слово «предопределенность» в этой фразе означает то, что в своих более поздних работах Мэй называл судьбой (*destiny*). В этом случае свобода рождается из осознания неизбежности своей судьбы: понимания того, что смерть возможна в любой момент, что мы рождены мужчинами или женщинами, что у нас есть какие-то характерные для нас слабости, что, опираясь на впечатления раннего детства, мы склонны вести себя определенным образом в будущем, и т.д.

Свобода - это готовность к переменам, пусть даже конкретный характер этих перемен и остается непредсказуемым. Свобода «предполагает умение всегда держать в голове несколько различных возможностей, даже если в данный

момент нам не совсем понятно, как именно нам следует действовать». Это обстоятельство часто ведет к увеличению тревоги, но это нормальная тревога, которую здоровые люди встречают с готовностью и которая вполне поддается управлению.

Мэй различал два вида свободы - свободу действия и свободу бытия.

Первую он называл *экзистенциальной свободой*, вторую - *сущностной свободой*. Мэй настаивал на том, что *экзистенциальную свободу* (*existential freedom*) не следует путать с экзистенциальной философией или с экзистенциальной психологией. Это свобода делать что-либо - свобода действия. *Экзистенциальная свобода* - есть свобода действовать согласно собственному выбору.

Между тем свобода действия еще не обеспечивает свободу бытия. Иногда кажется, что в действительности *экзистенциальная свобода* даже затрудняет достижение *сущностной свободы* (*essential freedom*). Мэй приводил несколько случаев, когда заключенные тюрем и узники концентрационных лагерей с энтузиазмом говорили о своей «внутренней свободе». Возможно, одиночное заключение или другое ограничение свободы действия помогает человеку более ясно представить свою судьбу и развить в себе свободу бытия. В этой связи Мэй задается следующим вопросом: «Только ли тогда мы можем получить сущностную свободу, когда наше каждодневное существование встречает препятствия?».

Сам он отвечал на этот вопрос отрицательно. Не обязательно быть заключенным в тюрьму, чтобы достичь сущностной свободы, то есть свободы бытия. Судьба сама по себе - наша внутренняя тюрьма, и осознание этого факта подвигает нас думать больше о свободе бытия, а не о свободе действия. «Разве судьба, которая есть основа нашей жизни, не держит нас в заключении под надзором одиночества, суровости, а подчас и жестокости окружающего мира, и разве это не вынуждает нас стараться заглянуть за пределы обыденности? Разве неизбежность смерти... не концентрационный лагерь для всех нас? Разве тот факт, что жизнь - это одновременно и радость, и тяжелое обязательство, не толкает нас к размышлению о более глубокой стороне бытия?».

Мэй определял судьбу (*destiny*) как «структуру из ограничений и способностей, которые представляют собой „данные“ нашей жизни». Судьба - это «строение Вселенной, проявляющее себя в строении каждого из нас». Окончательная судьба всего живого есть смерть, но при более детальном рассмотрении наша судьба включает в себя и другие биологические свойства, такие, как уровень интеллекта, пол, физическая сила и размеры нашего тела, генетическая предрасположенность к тем или иным болезням и т. д. Различные психологические и культурные факторы также вносят свой вклад в формирование нашей судьбы.

«Судьба - это наш «концентрационный лагерь», который тем не менее определяет нашу сущностную свободу.» Судьба - это то, к чему мы движемся, наша единственная конечная станция, наша цель. Это отнюдь не означает тотальную предопределенность и обреченность. В границах, определенных судьбой, мы имеем право на выбор, и эта свобода позволяет нам при необходимости

противостоять своей судьбе и изменять ее. В то же время невозможно изменить все, чего бы мы ни захотели. Мы не можем достичь успеха в любой работе, победить любую болезнь, построить отношения с любым человеком в точном соответствии со своими представлениями. Жизнь всегда вносит свои коррективы. «С судьбой нельзя не считаться, мы не можем просто стереть ее или заменить чем-то другим. Но мы можем выбирать, как нам отвечать нашей судьбе, используя дарованные нам способности».

Мэй полагал, что понятия судьбы и свободы, так же как и любви-ненависти, жизни-смерти, являются не взаимоисключающими, а дополняющими друг друга, существующими в неразрывной связи как одно из отражений величайшего парадокса, которым является человеческая жизнь. «Парадокс заключается в том, что свобода обязана своей жизнеспособностью судьбе, судьба же обязана свободе своей значительностью».

Свобода и судьба слиты, таким образом, воедино, одна не может существовать без другой. Свобода без судьбы - это распушенность и вседозволенность. Как это ни странно, на первый взгляд, вседозволенность, ведущая к анархии, в конце концов влечет за собой полное уничтожение свободы. Таким образом, без судьбы не бывает свободы, точно так же, как судьба без свободы теряет всякое значение.

Свобода и судьба порождают друг друга. Бросая вызов судьбе, мы обретаем свободу. Стремясь к свободе, мы выбираем свой путь, который так или иначе проходит через пространство, ограниченное нашей судьбой.

Таким образом, разделительный союз в заглавии статьи «или» должен быть заменен на союз соединительный «и». В реальной действительности каждый человек при совершении любого своего проступка, в том числе и преступления, обязательно проявляет свободу воли, но в том «коридоре», в тех границах и пределах, которые определила ему судьба.

2. В теории уголовного права предлагается рассматривать уголовную ответственность в двух аспектах: в позитивном и в негативном. Позитивная (перспективная) уголовная ответственность рассматривается как отсутствие нарушений запретов, установленных уголовным законом. Позитивная уголовная ответственность понимается как «обязанность соблюдать требования уголовного закона», «правовые требования», «выполнение должного», «социальный правовой долг». Правовым последствием данного вида ответственности является положительная уголовно-правовая оценка поведения лица со стороны государства, в том числе поощрение его действий. По мнению сторонников теории позитивной ответственности, она проявляется, например, в том, что исключается уголовная ответственность за преступление, которое лицо не совершало; в освобождении от ответственности лица, добровольно отказавшегося от совершения преступления и т.д.

Негативная (ретроспективная) уголовная ответственность связана с совершением лицом преступления, предусмотренного уголовным законом и заключается в применяемых государством мер принуждения.

Деление уголовной ответственности на негативную и позитивную не является общепринятым в науке уголовного права. Отмечается, что позитивная

уголовная ответственность не имеет большого правового значения, поскольку «перенесение понятия ответственности в область должного, толкуемого не как объективная реальность, а как определённый психологический процесс, лишает её правового содержания». И в этом смысле позитивная уголовная ответственность скорее является институтом морали, чем пра-

ва http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C - cite_note-ftn8-7#cite_note-ftn8-7.

Отсюда именно негативная уголовная ответственность имеет наибольшее теоретическое и практическое значение; в большинстве работ институт уголовной ответственности рассматривается именно в этом аспекте.

3. Для раскрытия сущности основания уголовной ответственности многие ученые обращаются к понятию состава преступления, причем делается это по-разному.

Одни рассматривают основанием уголовной ответственности наличие состава преступления, что на мой взгляд, является неверным утверждением, поскольку общественно опасное и противоправное деяние (преступление) подменяется весьма абстрактным виртуальным понятием состава преступления. Общее понятие состава преступления является средством познания конкретных составов преступлений и позволяет подвергать научному анализу их признаки, классифицировать эти признаки и содержание конкретных составов преступлений. В теории уголовного права общий состав используется как эталон, основа для правильного определения в каждом конкретном случае наличия или отсутствия в действиях лица того или иного состава преступления. Таким образом, общий состав преступления в науке уголовного права выступает в качестве своеобразного теоретического постулата для правильной квалификации совершенного деяния.

Не соглашаясь с такой трактовкой основания уголовной ответственности, я подчеркиваю, что реально существующее в действительности совершенное преступление фактически подменяется понятием состава преступления. Это чисто научный термин и его можно использовать в научных дискуссиях, а в не в законодательных дефинициях. Более того, многие ученые отвергают полезность и необходимость вообще использования такого термина как состав преступления, боясь, по-видимому, того, что к виртуальному понятию человек часто привыкает и в один момент психологически может его принять за сущее.

Да и в действующем уголовном законодательстве многих западных стран понятие состава преступления отсутствует, оно не нужно, вносит путаницу при соотношении понятия преступления и состава преступления.

Другие ученые считают, что единственным основанием уголовной ответственности является установление в действиях лица определенного состава преступления. Здесь стараются как-то приблизить реальность к раскрытию сущности понятия состава преступления. Но исходным же моментом для квалификации деяния является совершенное преступление и сравнение его с тем, как оно описано в законе. Ведь совершенное деяние всегда конкретно, реально,

истинно. Если мы говорим о конкретном составе совершенного преступления, тем самым суживаем возможности его квалификации, отсекаем возможные вариации, которые могут и не охватываться установленным в законе составом преступления. Здесь уместно вспомнить о методологическом принципе, получивший название по имени английского монаха, философа Уильяма Оккама «Бритва (лезвие) Оккама» (Ockham, Ockam, Occam; ок. 1285-1349), который, думаю, следует использовать в наших рассуждениях. В упрощенном виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без самой крайней на то необходимости»). Альберт Эйнштейн переформулировал принцип «Бритвы Оккама» таким образом: «Всё следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

Более правильной, на мой взгляд, является позиция авторов, считающих, что единственным основанием уголовной ответственности является деяние (действие или бездействие) общественно опасное, виновное и противоправное, т. е. преступление, признаки которого нашли отражение в конкретной статье Особенной части УК. Преимущество такого понимания оснований уголовной ответственности заключается в том, что здесь подчеркивается одновременность возникновения уголовной ответственности с моментом, фактом совершения лицом указанного в законе конкретного деяния. А состав преступления, разработанный наукой уголовного права, в последующем для правоохранительных органов выступает уже в качестве образца, эталона уголовно-правовой оценки (квалификации) преступления и лица, его совершившего.

Исходя из данных рассуждений, считаю, следует изменить законодательное определение понятия основания уголовной ответственности, изложенное в ч. 1 ст. 2 УК Украины, и представить эту часть статьи в такой редакции: «1. Основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния (действия или бездействия) общественно опасного, виновного и противоправного, т. е. преступления, признаки которого предусмотрены в конкретной статье Особенной части Кодекса».

23 марта 2011 г.

Трубников В.М. Свобода воли или судьба? / **В.М. Трубников** // Від громадянського суспільства – до правової держави: Теорія та практика протидії злочинності: VI Міжнародна науково-практична конференція, 15 квітня 2011 р., м. Харків: Збірник тез доповідей. – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 193-198